КРИМИНОЛОГИЯ

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-4-122-129

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.04.2026 г.

ТЕМЕЖНИКОВ Андрей Кириллович,

Аспирант,

e-mail: time5@ya.ru

Научный руководитель:

БАЙБАРИН Андрей Андреевич,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного и публичного права университета «Синергия»,

e-mail: ABaybarin@synergy.ru

НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Аннотация. *Предмет исследования составляют негативные последствия внешней миграции, имеющие значение для уголовного права, криминологии и миграционной политики. Цель работы заключается в разграничении реальных криминогенных, институционально опосредованных и перцептивно-конструируемых эффектов внешней миграции, поскольку именно смешение этих уровней приводит либо к неоправданной криминализации миграционных процессов, либо к недооценке общественно опасных форм поведения. Анализ сосредоточен на взаимосвязи внешней миграции с теневой занятостью, фиктивными регистрационными практиками, организацией незаконной миграции, латентностью преступности, виктимизацией самих мигрантов и общественным восприятием миграционной угрозы. Особое внимание уделено пределам уголовно-правового реагирования: обоснованию того, что уголовный закон должен адресоваться не миграции как социальному факту, а конкретным способам использования неурегулированного миграционного статуса для извлечения преступного дохода, сокрытия незаконного пребывания и создания инфраструктуры нелегального рынка труда.*

Методология исследования основана на сочетании формально-юридического, системного, сравнительно-правового и криминологического подходов с опорой на современные научные публикации 2021–2026 годов и действующее российское законодательство.

Научная новизна состоит в предложении трёхуровневой модели оценки негативных последствий внешней миграции. Доказано, что непосредственно криминогенными являются не миграционные процессы как таковые, а фиктивные регистрационные схемы, организация незаконной миграции, использование мигрантов в теневой занятости и вовлечение их в инфраструктуру организованной преступности. Институционально опосредованные последствия выражаются в латентности преступлений, коррупциогенности контрольных процедур, затруднённом доступе мигрантов к правосудию и перегрузке региональных механизмов адаптации. Перцептивно-конструируемые последствия проявляются в стигматизации мигрантов, моральной панике и переносе единичных криминальных эпизодов на всю группу. Сделан вывод о необходимости комбинированной модели реагирования, в которой уголовно-правовые меры сочетаются с легализацией занятости, совершенствованием миграционного учёта, снижением латентности преступности и интеграционными инструментами. Практическая значимость результатов заключается в возможности более точно разграничивать ситуации, требующие уголовно-правового вмешательства, и ситуации, в которых приоритет должны иметь управленческие и социальные меры.

Ключевые слова: *внешняя миграция, миграционная преступность, фиктивная регистрация, преступности,уголовно-правовое противодействие*.

TEMEZHNIKOV Andrey Kirillovich,

Graduate student

BAYBARIN Andrey Andreevich,

Scientific supervisor, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal and Public Law at Synergy University

NEGATIVE CONSEQUENCES OF EXTERNAL MIGRATION IN CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL PERSPECTIVE

Annotation. *The article examines the negative consequences of external migration that are relevant for criminal law, criminology, and migration governance. Its purpose is to distinguish between three analytically different layers of such consequences: direct criminogenic effects, institutionally mediated effects, and perception-driven effects. This distinction is necessary because legal policy often conflates migration as a social process with specific illegal practices surrounding undocumented stay, fictitious registration, and exploitative labour arrangements. The analysis focuses on the links between external migration, shadow employment, unlawful migration schemes, latent crime, victimization of migrants themselves, and public perceptions of criminal threat. Particular attention is paid to the limits of criminal-law intervention and to the requirement that criminal repression should target concrete socially dangerous conduct rather than migration as such.*

The study relies on a combination of formal legal analysis, a systemic approach, comparative legal reasoning, and criminological interpretation, using verified academic publications from 2021–2026 and current Russian legislation.

The article argues that the most dangerous consequences emerge where unregulated migration status is used as an instrument for concealment, exploitation, and organized profit extraction. It proposes a three-level model for classifying negative consequences and shows that an effective response must combine criminal-law measures with labour-market legalization, sound migration registration, access to justice, and integration policy. The practical value of the findings lies in a more precise delimitation between situations requiring criminal-law response and those calling for administrative, social, and preventive measures.

Key words: *external migration, migration-related crime, fictitious registration, crime latency, criminal-law counteraction.*

Внешняя миграция в современной России выступает одновременно демографическим ресурсом, хозяйственной необходимостью и источником сложных социальных рисков. Именно поэтому научная проблема состоит не в установлении абстрактного факта «вреда» миграции, а в точном разграничении тех негативных последствий, которые действительно порождаются внешними миграционными потоками, от последствий, возникающих из-за институциональных сбоев, теневого рынка труда и ошибочных общественных интерпретаций. Предметом исследования являются негативные последствия внешней миграции, имеющие уголовно-правовое и криминологическое значение, а целью — выработать дифференцированную модель их оценки, позволяющую отделить реальные криминогенные эффекты от социально конструируемых страхов.

Методологически работа опирается на сочетание формально-юридического, сравнительно-правового, системного и криминологического подходов. Такой выбор обусловлен тем, что правовая реакция на миграционные процессы не может строиться только на статистике преступности либо только на нормах права. К.Н. Сердюков (2024) убедительно показывает, что массовые представления о преступности иностранных мигрантов нередко мифологизированы, а территориальная неравномерность и латентность искажают картину миграционной преступности [12]. Следовательно, исходной предпосылкой исследования является отказ от автоматического отождествления мигранта с криминальным субъектом.

Одновременно игнорирование негативных последствий миграции также методологически несостоятельно. Ю.М. Антонян (2025) обоснованно настаивает на криминологическом, а не риторическом анализе мигрантской преступности и показывает, что общественное восприятие мигранта как носителя угрозы способно само становиться фактором социальной дестабилизации[6]. В этом контексте Н. Алексеева, И. Гоголев и И. Мухина (2025)

подчёркивают, что анализ внешней миграции должен учитывать не только демографические и трудовые показатели, но и трудности адаптации мигрантов в принимающем обществе [5]. Настоящая статья отличается от части существующих работ тем, что рассматривает негативные последствия внешней миграции как неоднородную совокупность криминогенных, институционально опосредованных и перцептивно-конструируемых эффектов.

Пределы понятия негативных последствий внешней миграции

Негативные последствия внешней миграции нельзя описывать как однородный массив. Часть из них выражается в реальном росте криминальных рисков, часть — в перегрузке институтов учёта, контроля и интеграции, а часть формируется на уровне общественного восприятия. Н. Айзенман, П. Домингес и Р. Ундуррага (2023) показывают, что миграция может не сопровождаться увеличением фактической преступности, но одновременно вызывать рост страхов и предохранительного поведения населения [13]. Близкий по логике вывод делают Х. Рамос, К. Эрнандес и Д. Шелфер (2023): связь между иммиграцией и преступностью не может считаться заданной заранее и требует эмпирической проверки, а не следования алармистским нарративам [20]. Для целей уголовно-правового анализа это означает, что «негативное последствие» должно устанавливаться по проверяемым критериям, а не по политически нагруженному образу угрозы.

Социально-экономические последствия внешней миграции проявляются прежде всего не в самом присутствии иностранных работников, а в тех сегментах экономики, где работодатель заинтересован в дешевом и слабо защищённом труде. М.А. Лысенкова (2025) показывает, что при кадровом дефиците внешняя трудовая миграция остаётся функционально значимой для рынка труда, однако ужесточение регулирования может вытеснять часть мигрантов в теневой сектор [8]. Сходную мысль в иной исследовательской оптике развивает Л. Дельгадо-Прието (2024), связывая негативный эффект миграции для заработков и занятости местного населения не с миграцией как таковой, а с масштабом неформального рынка труда [15]. Следовательно, одним из реальных негативных последствий выступает не внешняя миграция сама по себе, а институционально допускаемая концентрация миграционного труда в серой зоне хозяйственного оборота.

Из этого вытекает второй вывод: социальное напряжение возникает там, где экономическая полезность миграции не сопровождается мерами включения и контроля. С.А. Корягина (2024) отмечает, что нелегальная миграция подпитывает теневую экономику, деформирует рынок труда и формирует питательную среду для коррупции, а официальная статистика отражает лишь регистрируемую часть явления. Р. Дхингра, М. Килборн и О. Волдемикаэль (2021) дополнительно показывают, что чрезмерное усиление принудительного контроля способно ухудшать доступ мигрантов к правосудию и тем самым снижать обращаемость в правоохранительные органы [7, 16]. Поэтому негативное последствие внешней миграции в институциональном измерении следует видеть не только в возможности правонарушений со стороны мигрантов, но и в производстве правовой незащищённости, при которой значительная часть конфликтов и преступлений уходит в латентную сферу.

Криминологические последствия и латентная виктимизация

Для криминологического анализа принципиально важно учитывать, что мигрант может выступать не только субъектом, но и объектом преступного воздействия. У. Кодрингтон Уоллес (2024) показывает, что готовность мигрантов сообщать о преступлениях прямо влияет на профилактику, контроль преступности и состояние общественной безопасности, а институциональные барьеры снижают такую готовность [21]. М.К. Дзордцорменьох (2024) в свою очередь демонстрирует, что общественное мнение о миграции может ухудшаться не из-за статистически подтверждённого всплеска преступности, а вследствие субъективного переживания угрозы и виктимизации [17]. Значит, негативные последствия внешней миграции включают не только деяния, учитываемые в официальной статистике, но и разрастание скрытой виктимизации, которая слабо видима для правоприменителя, но дестабилизирует социальную среду.

Наиболее опасная зона пересечения миграции и преступности возникает там, где внешние миграционные потоки используются организованными структурами как инфраструктура извлечения дохода. Г. Корреа-Кабрера и К.Б. Шефер (2022) показывают, что нерегулярная миграция создаёт условия для торговли людьми, сексуальной эксплуатации и принудительного труда, а маршруты перемещения встраиваются в деятельность преступных групп [14]. П.К. Петров (2024) дополняет этот вывод тезисом о том, что криминальная активность иностранцев и лиц без гражданства должна анализироваться по стадиям — до миграции, в период кризиса и после прибытия, поскольку незаконное пребывание повышает вероятность вытеснения поведения в нелегальную сферу [10]. Тем самым незаконная миграция опасна не

только как нарушение режима пребывания, но и как канал включения человека в зависимые и криминализированные формы занятости.

Для российского правопорядка особое значение имеет то, что уголовный закон выделяет отдельные составы, адресованные именно теневым миграционным практикам. Организация незаконной миграции образует состав, предусмотренный ст. 322.1 УК РФ; фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства охватывается ст. 322.2 УК РФ; фиктивная постановка на учёт по месту пребывания — ст. 322.3 УК РФ. Эти нормы корреспондируют обязанностям миграционного учёта, закреплённым Федеральным законом от 18.07.2006 № 109-ФЗ, в том числе ст. 20, а также режиму осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами по ст. 13 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ. Следовательно, уголовно-правовая реакция адресована не миграции вообще, а конкретным способам искусственного сокрытия незаконного пребывания и эксплуатации неурегулированного правового статуса. Такие формы поведения представляют собой уже не «побочный эффект» миграции, а самостоятельный криминальный рынок.

Эта нормативная конструкция подтверждается и отраслевыми исследованиями. А.Н. Поздняков (2024) связывает внешнюю миграцию с осложнением оперативной обстановки, указывая на рост тяжких имущественных и наркопреступлений, совершённых мигрантами, а также на усложнение их выявления из-за конспирации и использования цифровых технологий [11]. П.К. Петров (2025) рассматривает влияние внешней миграции на состояние преступности в Российской Федерации и обоснованно выделяет специальную профилактику преступности иностранных граждан как самостоятельный элемент миграционной политики[9]. Из этого следует, что негативные последствия внешней миграции в криминологическом смысле сосредоточены прежде всего там, где нарушаются процедуры легализации, контроля и социального сопровождения, а не там, где имеет место обычное трудовое перемещение.

Существенно и то, что отрицательный эффект внешней миграции усиливается по мере территориальной концентрации миграционных потоков в ограниченном числе регионов и отраслей. Когда значительная часть иностранной рабочей силы сосредотачивается в строительстве, коммунальном хозяйстве, торговле и сервисе, а механизмы законного допуска к труду и контроля посредников работают фрагментарно, возникает не просто конкуренция за рабочие места, а сегментированная среда с ослабленными гарантиями оплаты труда, охраны труда и договорной дисциплины. В таком сегменте негативные последствия несут обе стороны: местное население сталкивается с давлением на нижние этажи рынка труда, а мигранты — с зависимостью от неформальных посредников, работодателей и арендодателей. Для уголовно-правовой науки здесь принципиально важно видеть, что криминогенный потенциал возникает не из факта пересечения границы, а из устойчивого соединения экономической уязвимости, административной непрозрачности и низкой доступности правовой защиты.

Отсюда следует ещё один методологически значимый тезис. Нельзя анализировать негативные последствия внешней миграции только через зарегистрированную преступность, потому что значительная часть общественно опасных практик формируется на предкриминальной стадии — в виде поддельных документов, фиктивного оформления жилья, нелегального посредничества, принудительного перераспределения заработка и коррупционного сопровождения пребывания. Внешняя миграция становится криминологически проблемной там, где человек поставлен в ситуацию вынужденного выбора между выездом, полной легализацией и участием в полулегальных схемах выживания. Следовательно, задачей права является не только наказание уже совершённого деяния, но и разрушение инфраструктуры, которая делает такие деяния массовыми и экономически выгодными для организаторов.

Разграничение непосредственных и опосредованных последствий позволяет точнее определить пределы уголовно-правовой интервенции. Если негативный результат вызван ложным общественным восприятием, стигматизацией либо институциональной неготовностью принимающей стороны, то расширение уголовного запрета не устраняет источник проблемы. Напротив, оно способно усилить латентность, увеличить дистанцию между мигрантскими сообществами и государством и тем самым ухудшить собираемость информации о реально опасных процессах. Уголовное право в этой сфере эффективно лишь тогда, когда оно встроено в более широкую систему управления миграцией и не подменяет собой экономическую, социальную и организационную политику. Именно поэтому оценка негативных последствий внешней миграции должна строиться по модели причинной цепочки: миграционный поток — условия включения в принимающую среду — институциональная реакция — фактический риск общественно опасного поведения. Такая

модель позволяет отличать социальную напряжённость от собственно криминальной угрозы и не смешивать разные уровни правового реагирования.

Пределы криминализации и авторская модель оценки

Уголовно-правовая оценка внешней миграции должна исходить из конституционного и отраслевого баланса. Свобода передвижения и выбора места пребывания, закреплённая ст. 27 Конституции РФ, не отменяет возможности государственного контроля за въездом, пребыванием и трудовой деятельностью иностранного гражданина, но требует, чтобы ограничения были адресованы именно противоправному поведению, а не социальной группе как таковой. Федеральный закон № 115-ФЗ формирует общий правовой режим статуса иностранного гражданина, а Федеральный закон № 109-ФЗ — режим миграционного учёта. В этой системе уголовный запрет становится крайней мерой, применимой лишь к тем деяниям, которые подрывают достоверность учёта, создают условия для незаконного пребывания и обслуживания теневого рынка. Следовательно, отрицательные последствия миграции нельзя преодолевать через расширение символической криминализации; требуется точное выделение действительно общественно опасных форм поведения.

Именно здесь особенно показателен сравнительный эмпирический материал. М.Г. Кырдар, И. Лопес Круз и Б. Тюркюм (2022) показывают, что массовый приток беженцев не обязательно вызывает механический рост общей преступности, а эффекты различаются по видам деяний. М. Ланге и К. Зоммерфельд (2023) также приходят к выводу, что крупномасштабная иммиграция беженцев не даёт мгновенного роста преступности, а выявляемые эффекты зависят от временного лага и особенностей регистрационной статистики [18, 19]. Эти данные принципиальны для уголовного права: они предостерегают от ложного перехода от миграционного факта к презумпции криминогенности и подтверждают необходимость доказательного подхода к оценке негативных последствий.

С учётом проведённого анализа негативные последствия внешней миграции целесообразно разделить на три группы. Во-первых, это непосредственно криминогенные последствия: организация незаконной миграции, фиктивные регистрационные схемы, эксплуатация мигрантов организованными группами, расширение нелегальных рынков труда и услуг. Во-вторых, это институционально опосредованные последствия: латентность преступности, снижение доступности правосудия, коррупционные практики в сфере учёта и контроля, перегрузка региональных систем адаптации. В-третьих, это перцептивно-конструируемые последствия: рост общественных страхов, стигматизация мигрантов, перенос единичных криминальных эпизодов на всю группу. Научная новизна предлагаемого подхода состоит не в простом перечислении рисков, а в разграничении разных типов негативных эффектов по механизму их возникновения и по допустимым средствам правового реагирования.

Из такой классификации вытекает и практический вывод. Непосредственно криминогенные последствия должны нейтрализоваться уголовно-правовыми и оперативно-профилактическими средствами; институционально опосредованные последствия требуют корректировки миграционного учёта, рынка труда и механизмов правовой помощи; перцептивно-конструируемые последствия нуждаются в опоре на проверяемые данные, а не на моральную панику. Поэтому эффективная государственная политика в рассматриваемой сфере должна быть комбинированной: уголовное право призвано пресекать организацию незаконной миграции и фиктивные схемы, но оно не способно заменить собой социальную интеграцию, законные каналы занятости и снижение латентности преступности. В противном случае негативные последствия внешней миграции будут воспроизводиться уже не потоком миграции как таковым, а дефектами самого режима регулирования.

Заключение

Проведённое исследование показывает, что негативные последствия внешней миграции не образуют единого массива и потому не могут быть адекватно описаны ни универсально алармистской, ни универсально апологетической моделью. Наиболее значимые риски возникают в трёх измерениях: криминогенном, институциональном и перцептивном. Криминогенное измерение связано с организацией незаконной миграции, фиктивной регистрацией, эксплуатацией неурегулированного статуса и использованием миграционных каналов организованной преступностью. Институциональное измерение проявляется в теневой занятости, коррупциогенности контрольных процедур, затруднении доступа мигрантов к правосудию и росте латентности преступлений. Перцептивное измерение выражается в стигматизации мигрантов и в искажённом общественном восприятии преступности.

Тем самым поставленная во введении проблема решается через дифференциацию негативных последствий по механизму

их возникновения. Полученный результат позволяет сделать вывод о пределе уголовно-правового воздействия: уголовный закон должен адресоваться не миграции как социальному факту, а конкретным общественно опасным деяниям, прежде всего фиктивным регистрационным практикам и организации незаконной миграции. Исследовательский вклад статьи состоит в обосновании комбинированной модели реагирования, в которой уголовно-правовые меры сочетаются с мерами легализации занятости, совершенствования миграционного учёта, интеграции и снижения латентности преступности. Ограничение исследования состоит в его теоретико-аналитическом характере; дальнейшая разработка темы требует сопоставления региональных данных о миграции, теневой занятости и структуре регистрируемой преступности.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. – 2020. – 4 июля. – № 144.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[3] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3032.

[4] О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации : Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 30. – Ст. 3285.

[5] Алексеева Н. А., Гоголев И. М., Мухина И. А. Вызовы и тренды внутренней и внешней трудовой миграции в России // Russian Journal of Management. – 2025. – Т. 13. – № 2. – С. 118–126. – DOI: 10.29039/2500-1469-2025-13-2-118-126. – URL: https://riorpub.com/ru/nauka/article/96036/view(дата обращения: 19.03.2026).

[6] Антонян Ю. М. Мигрантская преступность в России // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2025. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/migrantskaya-prestupnost-v-rossii (дата обращения: 19.03.2026).

[7] Корягина С. А. Миграционная преступность в контексте национальной безопасности (региональный аспект) // Baikal Research Journal. – 2024. – Т. 15. – № 1. – С. 295–306. – DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(1).295-306. – URL: https://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=26472 (дата обращения: 19.03.2026).

[8] Лысенкова М. А. Анализ социально-экономических последствий внешней трудовой миграции в условиях изменений российского рынка труда // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sotsialno-ekonomicheskih-posledstviy-vneshney-trudovoy-migratsii-v-usloviyah-izmeneniy-rossiyskogo-rynka-truda (дата обращения: 19.03.2026).

[9] Петров П. К. Влияние внешней миграции на состояние преступности в Российской Федерации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». – 2025. – Т. 25. – № 1. – URL: https://vestnik.susu.ru/law/article/view/15066 (дата обращения: 19.03.2026).

[10] Петров П. К. Детерминанты преступности иностранных граждан и лиц без гражданства // Социальное управление. – 2024. – Т. 6. – № 2. – С. 63–69. – URL: https://www.smgmt.ru/index.php/smgmt/article/download/169/199/203 (дата обращения: 19.03.2026).

[11] Поздняков А. Н. Внешняя миграция как один из факторов криминализации оперативной обстановки // Труды Академии управления МВД России. – 2024. – № 1(69). – С. 97–104. – DOI: 10.24412/2072-9391-2024-169-97-104. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-migratsiya-kak-odin-iz-faktorov-kriminalizatsii-operativnoy-obstanovki (дата обращения: 19.03.2026).

[12] Сердюков К. Н. Преступность иностранных мигрантов в России: факты и домыслы // Демографическое обозрение. – 2024. – Т. 11. – № 3. – С. 88–101. – DOI: 10.17323/demreview.v11i3.22716. – URL: https://demreview.hse.ru/article/view/22716 (дата обращения: 19.03.2026).

[13] Ajzenman N., Dominguez P., Undurraga R. Immigration, Crime, and Crime (Mis)Perceptions // American Economic Journal: Applied Economics. – 2023. – Vol. 15, no. 4. – P. 142–176. – DOI: 10.1257/app.20210156. – URL: https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257%2Fapp.20210156 (дата обращения: 19.03.2026).

[14] Correa-Cabrera G., Blair Schaefer K. Notes on a Perilous Journey to the United States: Irregular Migration, Trafficking in Persons, and Organized Crime // Latin American Politics and Society. – 2022. – Vol. 64, no. 3. – P. 142–160. – DOI: 10.1017/lap.2022.15. – URL: https://www.cambridge.org/core/journals/latin-american-politics-and-society/article/abs/notes-on-a-perilous-journey-to-the-united-states-irregular-migration-trafficking-in-persons-and-organized-crime/1E4A0FAA6E8A1EC1DEBE168B374FF8BE(дата обращения: 19.03.2026).

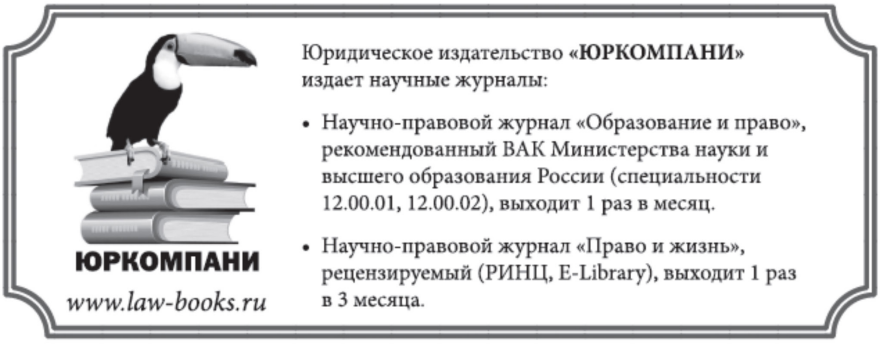
[15] Delgado-Prieto L. Immigration, wages, and

employment under informal labor markets // Journal of Population Economics. – 2024. – Vol. 37. – Art. 55. – DOI: 10.1007/s00148-024-010285. – URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s00148-024-01028-5 (дата обращения: 19.03.2026).
[16] Dhingra R., Kilborn M., Woldemikael O. Immigration Policies and Access to the Justice System: The Effect of Enforcement Escalations on Undocumented Immigrants and Their Communities // Political Behavior. – 2022. – Vol. 44. – P. 1359–1387. – DOI: 10.1007/s11109-020-09663-w. – URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s11109-020-09663-w (дата обращения: 19.03.2026).
[17] Dzordzormenyoh M. K. Crime Victimization, Immigrants, and Public Opinion in Ghana: A Micro-level Analysis // Journal of International Migration and Integration. – 2025. – Vol. 26. – P. 491–511. – DOI: 10.1007/s12134-024-01197-y. – URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s12134-024-01197-y (дата обращения: 19.03.2026).
[18] K rdar M. G., L pez Cruz I., T rk m B. The effect of 3.6 million refugees on crime // Journal of Economic Behavior & Organization. – 2022. – Vol. 194. – P. 568–582. – DOI: 10.1016/j.jebo.2021.11.014. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0167268121004868 (дата обращения: 19.03.2026).
[19] Lange M., Sommerfeld K. Do refugees impact crime? Causal evidence from large-scale refugee immigration to Germany // Labour Economics. – 2024. – Vol. 86. – Art. 102466. – DOI: 10.1016/j.labeco.2023.102466. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0927537123001410 (дата обращения: 19.03.2026).
[20] Ramos J., Hernandez C., Shelfer D. Illuminating the Immigration–Crime Nexus: A Test of the Immigration Revitalization Perspective // Societies. – 2023. – Vol. 13, no. 6. – Art. 137. – DOI: 10.3390/soc13060137. – URL: https://www.mdpi.com/2075-4698/13/6/137 (датаобращения: 19.03.2026).
[21] Wallace W. C. Caribbean Immigrants' Willingness to Report Crime to the Police in New York City // Journal of Police and Criminal Psychology. – 2024. – Vol. 39. – P. 886–896. – DOI: 10.1007/s11896-024-096532. – URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s11896-024-09653-2 (дата обращения: 19.03.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12. 1993 (as amended, approved during the all-Russian vote on July 1, 2020)//Rossiyskaya Gazeta. – 2020. - July 4. – № 144.
[2] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. - Art. 2954.
[3] On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation: Federal Law of July 25, 2002 No. 115-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 30. - Art. 3032.
[4] On migration registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation: Federal Law of July 18, 2006 No. 109-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – № 30. - Art. 3285.
[5] Alekseeva N. A., Gogolev I. M., Mukhina I. A. Challenges and trends of internal and external labor migration in Russia//Russian Journal of Management. – 2025. - T. 13. – № 2. - S. 118-126. – DOI: 10.29039/2500-1469-2025-13-2-118-126. - URL: https://riorpub.com/ru/nauka/article/96036/view (access date: 19.03.2026).
[6] Antonyan Yu. M. Migrant crime in Russia//Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Studies of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2025. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/migrantskaya-prestupnost-v-rossii (дата обращения: 19.03.2026).
[7] Koryagina S. A. Migration crime in the context of national security (regional aspect)//Baikal Research Journal. – 2024. - T. 15. – № 1. - S. 295-306. – DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(1).295-306. - URL: https://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=26472 (access date: 19.03.2026).
[8] Lysenkova M. A. Analysis of the socio-economic consequences of external labor migration in the context of changes in the Russian labor market// Regional problems of economic transformation. – 2025. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sotsialno-ekonomicheskih-posledstviy-vneshney-trudovoy-migratsii-v-usloviyah-izmeneniy-rossiyskogo-rynka-truda (дата обращения: 19.03.2026).
[9] Petrov P.K. Influence of external migration on the state of crime in the Russian Federation//Bulletin of the South Ural State University. "Right" series. – 2025. - T. 25. – № 1. - URL: https://vestnik.susu.ru/law/article/view/15066 (access date: 19.03.2026).
[10] Petrov P.K. Determinants of crime of foreign citizens and stateless persons//Social management. – 2024. - VOL. 6. – № 2. - S. 63-69. - URL: https://www.smgmt.ru/index.php/smgmt/article/download/169/199/203 (access date: 19.03.2026).
[11] Pozdnyakov A. N. External migration as one of the factors of criminalization of the operational situation// Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1(69). - S. 97-104. – DOI: 10.24412/2072-9391-2024-169-97-104. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-migratsiya-kak-odin-iz-faktorov-kriminalizatsii-operativnoy-obstanovki (дата обращения: 19.03.2026).
[12] Serdyukov K. N. Crime of foreign migrants in Russia: facts and speculation//Demographic

Review. – 2024. - VOL. 11. – № 3. - S. 88-101. – DOI: 10.17323/demreview.v11i3.22716. - URL: https://demreview.hse.ru/article/view/22716 (access date: 19.03.2026).
[13] Ajzenman N., Dominguez P., Undurraga R. Immigration, Crime, and Crime (Mis)Perceptions // American Economic Journal: Applied Economics. – 2023. – Vol. 15, no. 4. – P. 142–176. – DOI: 10.1257/app.20210156. - URL: https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257%2Fapp.20210156 (access date: 19.03.2026).
[14] Correa-Cabrera G., Blair Schaefer K. Notes on a Perilous Journey to the United States: Irregular Migration, Trafficking in Persons, and Organized Crime // Latin American Politics and Society. – 2022. – Vol. 64, no. 3. – P. 142–160. – DOI: 10.1017/lap.2022.15. – URL: https://www.cambridge.org/core/journals/latin-american-politics-and-society/article/abs/notes-on-a-perilous-journey-to-the-united-states-irregular-migration-trafficking-in-persons-and-organized-crime/1E4A0FAA6E8A1EC1DEBE168B374FF8BE(дата обращения: 19.03.2026).
[15] Delgado-Prieto L. Immigration, wages, and employment under informal labor markets // Journal of Population Economics. – 2024. – Vol. 37. – Art. 55. – DOI: 10.1007/s00148-024-010285. - URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s00148-024-01028-5 (access date: 19.03.2026).
[16] Dhingra R., Kilborn M., Woldemikael O. Immigration Policies and Access to the Justice System: The Effect of Enforcement Escalations on Undocumented Immigrants and Their Communities // Political Behavior. – 2022. – Vol. 44. – P. 1359–1387. – DOI: 10.1007/s11109-020-09663-w. - URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s11109-020-09663-w (access date: 19.03.2026).
[17] Dzordzormenyoh M. K. Crime Victimization, Immigrants, and Public Opinion in Ghana: A Micro-level Analysis // Journal of International Migration and Integration. – 2025. – Vol. 26. – P. 491–511. – DOI: 10.1007/s12134-024-01197-y. - URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s12134-024-01197-y (access date: 19.03.2026).
[18] K rdar M. G., L pez Cruz I., T rk m B. The effect of 3.6 million refugees on crime // Journal of Economic Behavior & Organization. – 2022. – Vol. 194. – P. 568–582. – DOI: 10.1016/j.jebo.2021.11.014. - URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0167268121004868 (access date: 19.03.2026).
[19] Lange M., Sommerfeld K. Do refugees impact crime? Causal evidence from large-scale refugee immigration to Germany // Labour Economics. – 2024. – Vol. 86. – Art. 102466. – DOI: 10.1016/j.labeco.2023.102466. - URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0927537123001410 (access date: 19.03.2026).
[20] Ramos J., Hernandez C., Shelfer D. Illuminating the Immigration–Crime Nexus: A Test of the Immigration Revitalization Perspective // Societies. – 2023. – Vol. 13, no. 6. – Art. 137. – DOI: 10.3390/soc13060137. - URL: https://www.mdpi.com/2075-4698/13/6/137 (reference date: 19.03.2026).
[21] Wallace W. C. Caribbean Immigrants' Willingness to Report Crime to the Police in New York City // Journal of Police and Criminal Psychology. – 2024. – Vol. 39. – P. 886–896. – DOI: 10.1007/s11896-024-096532. - URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s11896-024-09653-2 (access date: 19.03.2026).



Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:
• Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
• Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.